

Тан Шэнь получил отличные результаты и сразу же отправился поделиться радостной вестью с Фу Вэем и Ван Чжэнем. Однако на этот раз встретиться с Ван Чжэнем ему не удалось: тот уехал из столицы по делам и отсутствовал уже несколько дней. Когда же они увиделись вновь, обстоятельства оказались совсем не такими, как ожидал Тан Шэнь.

Обычно столичный экзамен проводился во втором месяце, списки сдавших вывешивали в третьем, а уже в начале четвертого месяца следовало явиться на дворцовый экзамен.

Академия Гоцзыцзянь всегда славилась своими талантами: всякий раз после объявления результатов столичного экзамена по меньшей мере шестая часть новоиспеченных цзиньши оказывалась ее воспитанниками. В эту пору Ректор Линь обычно приглашал видных сановников прочесть лекции для учеников Академии Гоцзыцзянь — это называлось «уроками чиновника». И вот однажды наставник сообщил Тан Шэню, что завтра с такой лекцией выступит сам Министр финансов Ван Цзыфэн. Тан Шэнь пришел в крайнее изумление.

Мэй Шэнцзэ тоже удивился:

— Цзинцзэ, это же твой шисюн! Ты, должно быть, давно об этом знал?

Тан Шэнь с самым невинным видом ответил:

— Да я даже понятия не имел, когда шисюн вернулся в столицу!

На следующий день Ректор Линь привел кандидатов в зал Шуайсинтан. В начале второго часа пополудни, облаченный в парадное алое чиновничье одеяние, в лекционный зал через главные двери вошел Ван Чжэнь. Хотя на нем было официальное платье, головной убор чиновника он надевать не стал. Встав перед слушателями, он обвел зал мягким, спокойным взглядом. Он наверняка заметил Тан Шэня, но не стал выделять его вниманием.

Примерно половина учеников Академии Гоцзыцзянь происходила из знатных чиновничьих семей и была немного знакома с Ван Чжэнем. Другую же половину составляли выходцы из простых, бедных семей, которые никогда прежде не видели столь высокопоставленных сановников. Заметив, насколько Ван Чжэнь молод, выходцы из простонародья во главе с Лю Фаном не на шутку изумились, и на их доселе бесстрастных лицах отразилось смутение.

Тем не менее, воспитанники Академии Гоцзыцзянь сумели совладать с собой.

Ван Чжэнь заговорил:

— Мое имя — Ван Чжэнь, второе имя — Цзыфэн. Сегодня я пришел в Академию Гоцзыцзянь, чтобы провести урок чиновника, и нас связывают лишь узы учителя и учеников. Здесь нет чинов и званий, нет разделения на высших и низших в чиновничьей среде.

Ученики хором ответили:

— Мы внимаем вам, господин Ван.

Ван Чжэнь официально начал занятие.

На этот раз Ректор Линь специально пригласил Ван Чжэня, чтобы тот прочитал лекцию не по Четверокнижию и Пятикнижию, а о текущих государственных делах. Разумеется, Ван Чжэнь не мог раскрывать важные государственные тайны, однако в своей непринужденной манере, с улыбкой, он легко поведал о нескольких случаях из эпохи правления покойного императора.

Проницательные ученики сразу все поняли: это помогло им глубже взглянуть на чиновничью среду и лучше подготовиться к предстоящему дворцовому экзамену.

Ведь на дворцовом экзамене в начале четвертого месяца не требовалось писать сочинения-багу, там проверяли лишь умение рассуждать о насущной государственной политике!

Когда урок чиновника завершился, ученики все еще пребывали под впечатлением от услышанного.

Голос Ван Чжэня прозвучал чисто и отчетливо:

— Остались ли у вас какие-то вопросы?

Немного поколебавшись, несколько учеников высказали свои сомнения. Ван Чжэнь подробно ответил каждому.

До самого конца занятия Ван Чжэнь ни разу не взглянул на Тан Шэня. Тот даже начал сомневаться: неужели его шисюн на этот раз действительно пришел только ради лекции?

«Разве Ван Цзыфэн настолько добросердечен?» — Тан Шэню казалось, что имя Ван Цзыфэна и понятие «доброта» совершенно не вяжутся друг с другом.

Но стоило ему выйти из зала Шуайсинтан, как его окликнул ждавший снаружи наставник:

— Цзинцзэ, Ван Цюань ожидает тебя в зале Чунчжитан!

Ничего не понимая, Тан Шэнь направился к залу Чунчжитан. Он тихонько постучал в дверь, и изнутри донесся голос Ван Чжэня:

— Войди.

Переступив порог, Тан Шэнь увидел Ван Чжэня, который стоял у западной стены зала Чунчжитан перед картиной с изображением старика верхом на быке, запрокинув голову. Услышав шаги, тот повернулся к Тан Шэню. Его взгляд на мгновение задержался на лице юноши, а затем опустил ниже, на плечо Тан Шэня.

— Шисюн Цзыфэн.

Ван Чжэнь сделал шаг навстречу и, протянув руку, снял с левого плеча Тан Шэня нежный лепесток.

Тан Шэнь опешил.

— Цветок абрикоса.

— Должно быть, упал, когда я проходил через задний двор Академии Гоцзыцзянь, — предположил Тан Шэнь.

Ван Чжэнь с улыбкой произнес:

— Поздравляю, младший шиди. Твое имя украсило Абрикосовый список — второе место на столичном экзамене.

За последние дни Тан Шэня поздравляли столь многие, что у него уже выработался к этому

иммунитет. Однако сейчас, услышав эти простые слова Ван Чжэня и глядя на слегка улыбающееся лицо Ван Цзыфэна, он почему-то смутился и искренне отозвался:

— Как и говорил шисюн, столичный экзамен не столь важен, главное — это дворцовый экзамен.

Ван Чжэнь кивнул и вдруг резко сменил тему:

— Как продвигаются твои занятия каллиграфией?

Будучи человеком из современной эпохи, Тан Шэнь не сразу смог угнаться за столь причудливым ходом мыслей Ван Цзыфэна.

«Постойте, мы же только что говорили о столичном экзамене. С чего вдруг вопрос про каллиграфию?»

Мысленно недоумевая, вслух Тан Шэнь ответил:

— Я усердно упражнялся.

— До дворцового экзамена осталось десять дней. Все это время приходи в мое поместье каждый день в час Обезьяны.

— Шисюн?

— Я сам буду учить тебя каллиграфии.

— ...

«С Ван Цзыфэном сегодня точно что-то не так!»

Лишь много времени спустя Тан Шэнь понял, что Ван Чжэнь изначально даже не надеялся, что тот сможет попасть в число Третьей группы выпускников благодаря одним лишь своим знаниям.

Рассуждения о государственной политике легко звучат лишь на словах, на деле же писать их куда труднее, чем сочинения-багу! Темы для багу берутся из Четверокнижия и Пятикнижия, так что даже выходцы из бедных семей, совершенно не разбиравшиеся в делах Поднебесной, могли ссылаться на классику и создавать вполне достойные работы. Но как быть с вопросами о государственном управлении?

В этом году Тан Шэню исполнилось всего шестнадцать. По жизненному опыту ему было не сравниться с Яо Шанем, занявшим третье место на столичном экзамене, а по семейному наследию и эрудиции — с Ван Сяо, ставшим первым в списке. Да и помимо этих двоих, среди тех, чьи имена вошли в Абрикосовый список в этом году, хватало выходцев из потомственных чиновничьих и ученых семей. Любой из них превосходил его! У Тан Шэня еще оставался шанс войти в двадчатку лучших, но пробиться в первую десятку было невероятно трудно, а попасть в тройку лучших — и вовсе сродни восхождению на небеса.

Но все же судьба человека — в его собственных руках.

Единственным главным экзаменатором на дворцовом экзамене выступал сам государь, прочих же экзаменаторов именовали «проверяющими свитки». Работы двухсот девяноста одного кандидата сначала оценивали эти проверяющие: они отбирали десять лучших сочинений,

предварительно распределяли между ними места и лишь после этого представляли императору, чтобы тот лично определил Третью группу выпускников.

Если бы Тан Шэнь не вошел в эту десятку, у него не было бы даже возможности удостоиться взгляда императора.

Второго числа четвертого месяца, еще до наступления часа Кролика, кандидаты через боковые ворота Сюанью вошли в императорский дворец и проследовали в Дворец Минъи. В этот день императора, разумеется, не было. Почти три сотни экзаменующихся совершили поклон перед пустующим тронном, после чего десять проверяющих свитки раздали экзаменационные листы и приступили к наблюдению.

Будучи вторым в списках столичного экзамена, Тан Шэнь сидел на втором месте в первом ряду.

И все же, несмотря на долгую подготовку, при виде четырех тем по государственному управлению Тан Шэнь на мгновение растерялся. В прошлой жизни у него не было опыта в политике, а в этой, если посчитать, прошло всего три года с момента его перерождения. Ему не только не хватало понимания чиновничьей среды, чтобы осмыслить эти вопросы и предложить решения, — о «битве при Юйху», упоминавшейся в четвертом задании, он вообще имел лишь смутное представление!

Тем не менее, Тан Шэнь не выдал своего замешательства ни единым жестом. Сохраняя абсолютное спокойствие, он принялся за работу.

Там, где он не знал, о чем писать, он выводил витиеватые фразы, восхваляющие добродетель государя и выражающие почтение императору. Тан Шэнь тщательно выписывал каждый иероглиф и со всей серьезностью, строго соблюдая установленные для дворцового экзамена правила оформления, переносил текст на экзаменационный свиток.

Написать рассуждение — дело нехитрое, но вот вывести красивый почерк и безупречно соблюсти форму — задача невероятно сложная! Лишь когда солнце опустилось за горы, Тан Шэнь вывел последний знак. Он подул на сырую тушь и отложил кисть.

Спустя еще полстражи все кандидаты закончили писать. Собрав работы, они покинули императорский дворец.

На полпути Тан Шэня нагнал Мэй Шэнцзэ. Они переглянулись и оба горько усмехнулись.

— Цзинцзэ, как успехи? — спросил Мэй Шэнцзэ.

Тан Шэнь честно признался:

— Исписал все до последнего места, по полторы тысячи знаков в каждом сочинении.

— Ну ты и силен, Тан Цзинцзэ! Я едва наскреб по тысяче двести знаков. Боюсь, на этом дворцовом экзамене я снова окажусь в списках ниже тебя.

Оба дружно рассмеялись.

Пока новоиспеченные ученые мужи один за другим выходили через боковые ворота Сюанью, проверяющие свитки уже принимались за работу с обезличенными свитками, имена авторов на которых были заклеены. Каждому из них досталось по тридцать работ для поочередной

проверки. Проверяющими выступали виднейшие сановники двора, половина из которых имела второй чиновничий ранг; среди них были почти все министры шести приказов, за исключением Ван Чжэня, который взял самоотвод, дабы избежать обвинений в предвзятости.

Глава Приказа ритуалов, высокий и подтянутый мужчина средних лет, носил аккуратную ухоженную бородку.

На дворцовом экзамене проверяющие читали работы, написанные кандидатами собственноручно. Глава Приказа ритуалов, закончив с одним свитком, развернул следующий, но едва его взгляд упал на первую строчку, как он замер. Помедлив, он подозвал левого заместителя главы Приказа ритуалов и, указав на свиток, спросил:

— Не кажется ли тебе этот почерк знакомым?

Левый заместитель главы Приказа ритуалов бросил взгляд на свиток и тоже не смог отвести глаз. Прочитав работу до конца, он весело рассмеялся и позвал правого заместителя главы Финансового приказа:

— Господин Цинь, поглядите-ка скорее на это!

Этот призыв переполошил всех проверяющих в комнате.

Собравшись вокруг стола, они принялись разглядывать свиток. Цинь Сы подошел ближе и впился глазами в написанные строки.

Поглаживая бородку, глава Приказа ритуалов с улыбкой спросил:

— Неужели это почерк Ван Цюаня?

Цинь Сы с горькой усмешкой покачал головой:

— В этом почерке чувствуется добрых семь десятых стиля Ван Цюаня. Похоже, это работа младшего шиди Ван Цюаня — Тан Шэня, Тан Цзинцзэ!

Глава Приказа ритуалов притворно насупился:

— Чтобы добиться такого сходства, нужно упражняться по меньшей мере полгода или год! Ну и хитрец же ты, Ван Цзыфэн! Это ведь чистой воды сговор и умышленная метка на свитке!

<http://bllate.org/book/18292/1754519>